

Копирование, тиражирование и распространение материалов,
содержащихся в книге, допускается
только с письменного разрешения правообладателей.

Саманта Бёрч

КОТ- ДРАКОН

Москва
2026

*Даррену и Хлое, принимающим эту часть
меня и придающим мне целостности.*

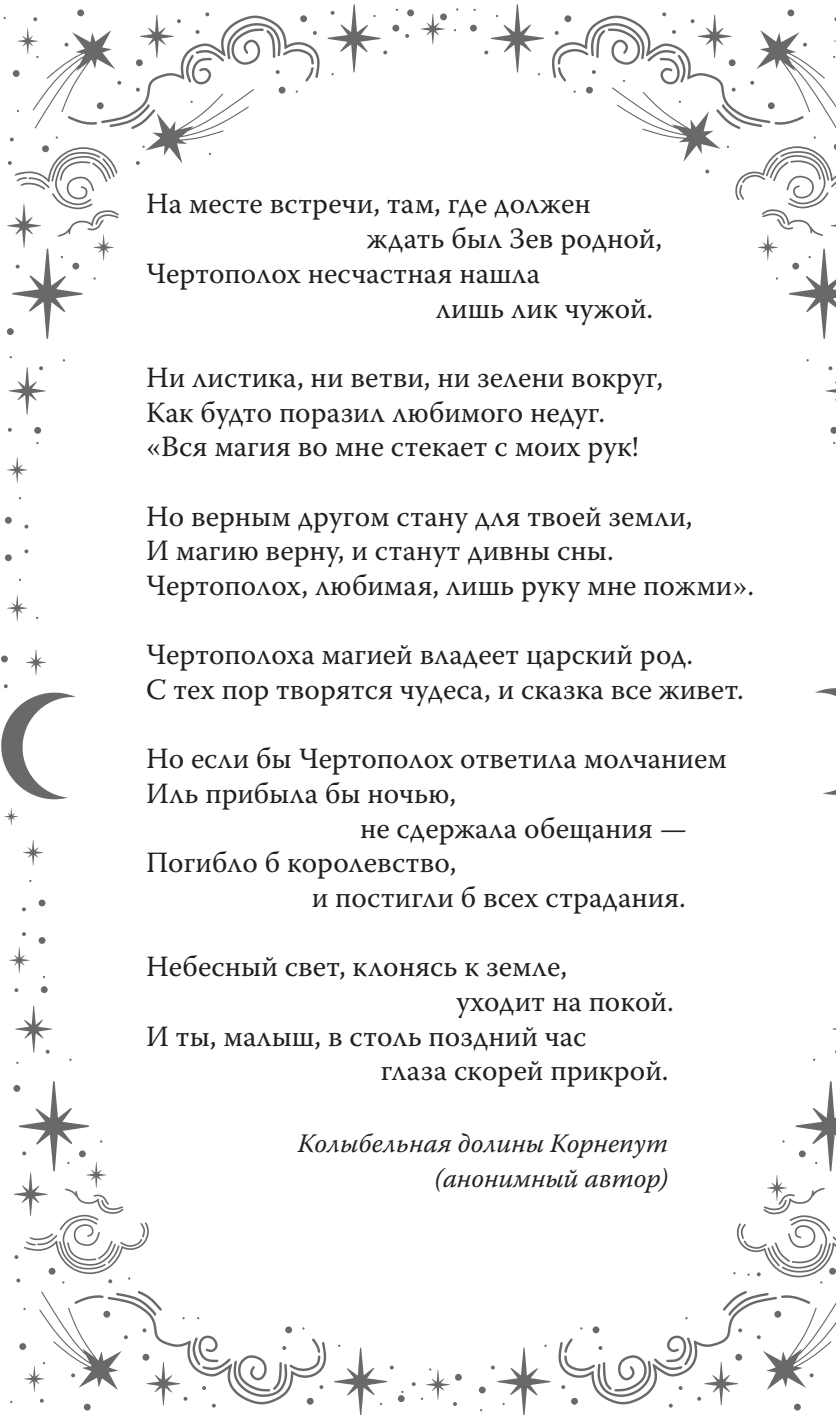
ЛЬВИНЫЙ ЗЕВ И ЧЕРТОПОЛОХ

Небесный свет, клонясь к земле,
 уходит на покой.
И ты, малыш, в столь поздний час
 глаза скорей прикрой!
Ложись и слушай наш рассказ
 про царственный народ,
Чертополох и Львиный Зев,
 небесный их полет.

О! Жил когда-то Львиный Зев,
 пригож, хорош собой!
Коснись его — он запоет от радости такой.
Чертополох, напротив, всегда была бледна,
Характер твердый, как броня,
 гордыня ей чужда.

Проснулся Зев однажды, встряхнул
 свой пышный цвет,
И слышит тут Чертополох:
 «Явилась ко мне смерть!
Дождись меня в любимой выси,
 прямо над землею,
Подай мне руку-лепесток,
 укрой своей бронею.
Ступай теперь, мой милый друг,
 там тайны все раскрою».

Чертополох пустилась в путь,
 опередив луну.
В то время Зев (ведь он не врал)
 отправился во тьму.

На месте встречи, там, где должен
ждать был Зев родной,
Чертополох несчастная нашла
лишь лик чужой.

Ни листика, ни ветви, ни зелени вокруг,
Как будто поразил любимого недуг.
«Вся магия во мне стекает с моих рук!

Но верным другом стану для твоей земли,
И магию верну, и станут дивны сны.
Чертополох, любимая, лишь руку мне пожми».

Чертополоха магией владеет царский род.
С тех пор творятся чудеса, и сказка все живет.

Но если бы Чертополох ответила молчанием
Иль прибыла бы ночью,
не сдержала обещания —
Погибло б королевство,
и постигли б всех страдания.

Небесный свет, клонясь к земле,
уходит на покой.
И ты, малыш, в столь поздний час
глаза скорей прикрой.

*Колыбельная долины Корнепут
(анонимный автор)*

Когда-то снежные грифоны не уступали по численности пустельгам, хоть и превышали их размерами и чаще уносили оставленных без присмотра домашних животных.

Как и следует из названия, они во многом походили на своих рыжеватых сородичей, бурых грифонов. Задняя часть их тела напоминала льва, а грудь, крылья и передние конечности — орла. Но нашлось и одно предсказуемое отличие: перья их, как и шерсть, были белыми, точно облака.

У всех, кроме одного.

Один снежный грифон выглядел так, будто являлся прародителем всего рода, — его покрывал кристаллический лед в форме могучих ветвей. Те ветви напоминали серебристую березу, кое-где перемежаясь элементами белой осоки и вербы. Этот снежный грифон высотой в пятьдесят футов бродил по земле под защитой своего Пастуха, человека, которому поручили оберегать великое создание от браконьеров и хищников.

Потому что только этот снежный грифон был неразрывно связан с волшебным колодцем своей родины, и так было на протяжении тысячи лет. Хотя природа его оставалась непостижимой, бесконечное странствие грифона обеспечивало изобилие колодца и поддерживало магию всех ведьм, магов и драконов на этой земле.

Именно этот снежный грифон отбрасывал тень размером со здание, прежде чем с грохотом обрушиться вниз, сравнивая с землей целый лес.

глава 1

Алоуиша [А-ло-ви-ша] (сущ.)

1. Великая воительница

2. Один из видов вербены, растение, используемое в основном для приготовления чая, но, по слухам, обладающее некоторыми лечебными свойствами; имеет слабый запах лимонного щербета.

В целом Алоуиша Фитильтон гордилась нынешним урожаем Болтливых тыкв, что вовсе не означало, что они гордились ею. Самые пухлые тыквы на грядке — те, которые она как раз вырезала прямо на земле, где они и лежали, — болтали без умолку, пока Алоуиша сидела с краю на коленях на своей любимой мягкой подстилке для прополки.

От некоторых их изречений, казалось, веяло излишним рвением.

— Да как же ты себе мужа отыщешь, когда разгуливаешь в этих тряпках? — прокричала бородавчатая оранжевая тыква прабабушки Этельбы. — Еще и смеешь ведьмой зваться? На вид ты обычная цветочница!

Со стороны могло показаться, будто тыквы рода Фитильтон видят Алоуишу впервые, хотя на деле их появление было частью ежегодной традиции долины.

Провинившееся серовато-зеленое платье Алоуиши, остроконечная шляпа в тон (со слегка изогнутыми полями) и пыльный белый фартук с крохотными розовыми цветочками, увы, не отличались новизной, как и комментарий ее прабабушки.

— *В-важно* обзавестись наследником, — прозвучал голос другой тыквы — белого, как мел, троюродного брата Гримвальда, раздавшегося ввысь вдвое больше, чем вширь. Он высказал мнение, покачивая

— Вот именно, — задумчиво подтвердила Этельба. — Может, у твоей *дражайшей* подружки Айви найдется друг или брат, с которым она могла бы тебя познакомить?

От подобной дерзости у Алоуиши отвисла челюсть. Во-первых, она была премного благодарна, но ее вполне устраивало одиночество, а во-вторых, даже будь это не так, ни друзья Айви, ни уж тем более ее легкомысленный, безответственный брат не соответствовали представлениям Алоуиши о том, с кем можно обзавестись *достойным наследием*.

«Не реагируй», — мысленно велела себе Алоуиша, стараясь успокоиться, и нервно поджала губы. Она знала, что тыквы только и ждали ссоры, и твердо намеревалась не потворствовать им, напомнив себе, что все же они семья.

«К тому же, — рассудила она, — я бы тоже вечно ворчала, если бы большую часть года проводила в банке из-под варенья».

Ведь именно в этом и заключалась суть Болтливых тыков: некоторые из почивших обитателей долины осознанно выбирали не завершать свое путешествие в загробный мир, решив задержаться по пути — часто на несколько поколений — в форме остроконечных пятнистых зеленых ядер. Конечно, у них имелось и латинское название, доподлинно известное Алоуише, но она предпочитала называть их — особенно в разговоре с семьей — менее устрашающим и более ласковым термином «семена души». Каждый год, как только долина КорнепутКорнепут окрашивалась в багряные и золотистые тона, именно из этих семян заново прорастали родные жителей долины, чтобы иметь возможность навещать потомков в течение сезона, начиная с Ночи урожая.

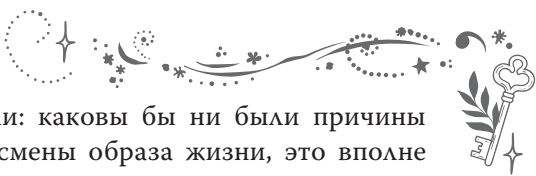
— И эти *волосы!* — пробасила прабабушка Этельба, явно войдя во вкус; ее самая огромная и зеленая бородавка угрожающе задрожала. — Рыжие локоны *едва ли* создают... подходящее... *мистическое* впечатление! — И тут ее голос взлетел до вопля, будто старушку смертельно ранили: — И даже не *говори* мне о *косах!*

В более впечатлительном возрасте слова прабабушки Этельбы мучили бы разум Алоуиши еще целую неделю. Однако теперь, переступив порог тридцатилетия, она была выше этого. Будучи рассудительной, зрелой ведьмой, она приняла логичные меры предосторожности, вырезав на тыкве, временном вместилище души ее дорогой почившей прабабушки, морду кролика.

Инстинктивно потянув свободной рукой за кончик одной из двух объемных косичек, Алоуиша моргнула... выдохнула и выдавила легкую улыбку. Затем снова сосредоточилась на том, чтобы вырезать лицо на тыкве в зеленую и кремовую полоску как можно более симметрично: пока она, направляя нож палочкой, делала идеальный маленький круг для правого глаза, левый наблюдал за ней. Следом она увела палочку чуть ниже глаз, чтобы нож завис точно между ними; еще одно крошечное движение, легкий взмах по очертанию полумесяца и резная мордочка тетушки Мэдж готова.

— Спасибо, милая, что так быстро! — воскликнула тетя Мэдж, заливаясь безудержным смехом. — А то жуть как щекотно!

Остальные в ряду — с вырезанными и невырезанными лицами — вздохнули и зашевелились, пытаясь отдалиться от новоприбывшей тыквы. Тетя Мэдж слыла болтушкой и сплетницей, а в сорок с небольшим и вовсе забросила колдовство ради безмятежной жизни в роли владелицы паба. С тех пор все

единодушно решили: каковы бы ни были причины столь неразумной смены образа жизни, это вполне может оказаться заразно.

— А ТЕПЕРЬ! — внезапно завопила прабабушка Этельба, будто собираясь одной только силой голоса противостоять тому, что поразило тетю Мэдж. — САМОЕ ВРЕМЯ поговорить о твоём ФАМИЛЬЯРЕ!

Примерно в этот же момент Алоуиша осознала, что лучше засунет голову в ведро с пометом куро-лиски, чем останется здесь, потому она встала, убрала нож в аккуратно сшитый пояс для инструментов и спрятала палочку в карман, напоследок стряхнув пыль и траву с юбки.

Однако прабабушка Этельба не собиралась так просто отпускать правнучку, пока не «закончит с ней».

— *Ведьмина...* — многозначительно произнесла бородавчатая тыква и посмотрела Алоуише прямо в глаза с таким напором, что та вынуждена была отвести взгляд. Алоуиша знала, какое слово последует дальше, завершая фразу, которой в долине Корнепут пугались все, кто обладал магией, — *подмога*.

Для непосвященных фраза «ведьмина подмога» звучала довольно безобидно, как избитое клише, которым измученный родитель мог пригрозить ленивому ребенку. Но для коренных жителей долины эти слова обладали особой силой: если кратко, они говорили о благословении — или нет — даром магии.

Для тех, кто родился без дара, выражение означало, что их услуги не требуются, что можно спать спокойно, поскольку соседи, обладающие магическими способностями, все держат под контролем.

Но для юных магических дарований значение было куда глубже: это идиома звучала над тобой с самого младенчества; ее напевали в колыбельной у кровати, она встречалась в детских стихах, пока твой пухлый кулачок еще неумело сжимал первую

волшебную палочку и размахивал ей. Ты впитывал эти слова задолго до того, как учился понимать речь: они проникали в самое нутро, в ту часть сознания, что сформировалась еще до появления способности мыслить. Они первозданны и незыблемы; настолько очевидная истина, что подвергать ее сомнению казалось столь же бессмысленным, как и сомневаться в собственном бытии.

Именно так эти слова и обрушились на Алоуишу, поразив в самое сердце.

Хотя никто, ни обладатель магии, ни простой человек, не мог в полной мере выразить весь смысл фразы, волшебник-поэт Кассиус Центрификус все же попытался сделать это в шестнадцатом веке:

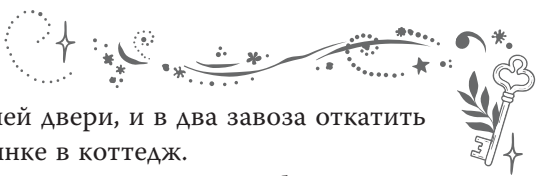
«Ведьмина подмога»: они приходят первыми и уходят последними; они облегчают боль и воодушевляют; они всегда готовы выслушать, поддержать и успокоить.

«Ведьмина подмога»: каждая из них выполняет свой долг; они не просят ни признания, ни награды; они приходят на помощь магическим братьям и сестрам и защищают своих немагических соседей, которые не могут постоять за себя сами.

«Ведьмина подмога»: они вдумчивы и проницательны; они добры и отзывчивы; они яростны и неукротимы; они — мудрецы, врачеватели и защитники.

Алоуише потребовался почти час, чтобы собрать все тринадцать вырезанных за день тыков (включая крошечную Лисандру, светло-желтую жену троюродного брата Гримвальда), погрузить их в тачку, которую

она оставила у задней двери, и в два заезда откатить по грунтовой тропинке в коттедж.

Возникли некоторые споры о необходимости присутствия тетушки Мэдж, но затем тетя свернула свою самую толстую и колючую лозу и запустила ее в самого громкого спорщика, троюродного брата Гримвальда, который каким-то невероятным образом умудрился побледнеть еще сильнее, после чего вопрос быстро решился.

Даже без лоз, теперь безобидно покоившихся рядом, как и у всех остальных, тетя Мэдж выглядела вполне способной управиться со всеми двенадцатью недоброжелателями. Фактически, когда Алоуиша наконец захлопнула сине-зеленую входную дверь, тяжело вздохнула и прислонилась к ней, сквозь волнистые стекла она уже слышала, как тетя Мэдж пыталась запеть «Что мы делали в стогах сена (катились, катились О!)», и потому заранее знала, что вскоре зелено-кремовая тыква единолично займет один из подоконников.

Когда Алоуиша уже собралась заняться другими делами, ее отвлекла небольшая черная птичка, с грохотом свалившаяся с неба на кованый садовый стол, взметнув облако перьев.

— Кроу! — крикнула она и бросилась по узкой мощеной дорожке к месту, где лежала дрожащая птица.

— Он *смотрел* прямо на меня, Ало! — прохрипела птица по кличке Кроу высоким, гнусавым голосом, который, по мнению Алоуиши, не мог исходить из существа с такими маленькими ноздрями. — *Огромный!* Он *пытался* меня убить!

Волна облегчения, перемежаясь жгучим гневом, пронзила Алоуишу, и на мгновение она замерла, не зная, обнять ли этого потрепанного вредителя или встряхнуть его. Кроу, казалось, уловил ее настрой:

он напряг чешуйчатые черные лапки, закатил черные глаза-бусинки, раскрыл крючковатый клюв и застонал.

— Если ты таким образом пытаешься вызвать жалость, — сказала она, поправляя шляпу, которую грозил сорвать ветер, — то ты переигрываешь.

— Я мог умереть! — пожаловался Кроу, не сумев до конца утаить обиду в голосе. — Тебе *все равно*?

— Я уже говорила тебе, — сказала Алоуиша, — если бы они хотели тебя убить, у них было предостаточно возможностей еще до того, как я тебя нашла. И если ты *действительно* так боишься куролисков, то я не понимаю, почему тогда настойчиво продолжаешь возвращаться к ним в курятник.

«Курятник!» — подумала Алоуиша и ощутила подступающий к горлу ком паники. Она развернулась и зашагала обратно по грунтовой дорожке к постройке, радуясь своим коротким, нелепым коричневым кожаным сапогам, подходящим для неровной земли, но твердо решила по возвращении домой спрятать их среди мешков с компостом и ведер в прихожей.

Будучи ведьмой, формально она не имела права брать плату за услуги — *ведьмину подмогу* — поэтому в качестве благодарности за свои ботанические заклинания Алоуиша принимала все, от хрустящих булочек и кусочков масла до струн для скрипки, которой у нее никогда не было. В редких случаях, когда приезжала в город с тележкой, она с достоинством обменивала дары у других магов на различные полезные и необходимые ведьме вещи, такие как полироль для котла или услугу по перебалансировке палочки.

Платили ей золотом лишь за одно: ее куролиски высиживали изредка попадавшие драконьи яйца, поскольку некоторые виды могли вылупиться только таким путем, а природная тяга куролисков защищать сокровища превращала их в идеальных стражей.

— Мне *приходится* туда заглядывать, когда ты *отказываешься* доставать мне лесных мышей, — возразил Кроу, неуклюже вышагивая рядом с Алоуишей. Он явно ушибся при падении, примерно в том месте, где левое крыло крепится к телу. Она сделала себе мысленную пометку проверить его состояние, когда закончит с курятником. — В большом сарае я уже всех съел. Ну, всех, кого не раздавили коровы.

У Алоуиши были приземистые, толстые горные коровки, по высоте почти достоящие ей до груди и дающие кремово-желтое молоко со вкусом крем-брюле. Оно также помогало при сыпи.

На развилке Кроу внезапно вспорхнул и облетел круг, бросая на Алоуишу страдальчески-самодовольный взгляд, пытаясь выдать это за намеренное действие. За первым кругом последовал и второй.

Вздохнув, Алоуиша закатила глаза и, прежде чем Кроу успел достичь земли, протянула руки, подхватила его и вернула на законное место на своем плече.

— Определись уже, — вымученно сказала она, когда они инстинктивно склонили головы, чтобы коснуться друг друга в знак приветствия, прежде чем снова отправиться в путь. — Ты либо дикая птица, которая ловит мышей в лесу, либо домашний питомец, который спит в уютном теплом домике и иногда делится со мной моими же пирожными. Так кто же ты?

Кроу задумчиво склонил голову, моргнул и снова запрокинул ее.

— Я отвергаю сам вопрос.

К тому моменту они уже дошли до обители куролисков, хотя оба слышали их еще на расстоянии. Рожденный из змеиногo яйца, высиженного курицей, куролиск в представлении простых людей обычно описывается как нечто вроде демонического

